

Проф. Н. А. Машкин

К ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РАБОВ И КОЛОНов В РИМСКОЙ АФРИКЕ

Указание товарища Сталина на то что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹ явилось для советских историков настоящей программой новых исследовательских работ, нового освещения перехода от античности к средневековью. Старому спору между романистами и германистами о том, какие «начала» лежат в основе средневекового развития — римские или германские, противопоставлена иная концепция: в недрах античного рабовладельческого общества зарождаются элементы новой феодальной формации. В результате обострения внутренних противоречий нарастает революционное движение, переходящее в конечном счете в революцию, упразднившую рабовладельческий способ эксплуатации и способствовавшую тому, что «не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»².

Революция рабов в Римской империи была длительным процессом, которому присущи были свои закономерности. С наибольшей остротой протекала она там, где с особой остротой сказывались противоречия гибнущего рабовладельческого строя, прежде всего в западных областях. Но не всюду революционное движение нарастало одинаковыми темпами. Интенсивнее оно развивалось в окраинных провинциях с развитым крупным землевладением. К таким следует отнести, несомненно, галльские и африканские провинции. О крупнейших галльских владениях свидетельствуют многие источники: произведения Симмаха, Аполлинария Сидония, «житие Мелания» и ряд других; о крупнейших африканских поместьях говорит ряд надписей, о том же есть указания и в юридических документах.

В буржуазной историографии рост крупного землевладения рассматривался или как идиллический процесс, который иллюстрировался сценами из жизни крупных владельцев, какие встречаются у Симмаха и Аполлинария Сидония, или же говорилось о безропотном подчинении бедного люда могущественным лицам, у которых можно было найти защиту и от всеподавляющего римского правительства, и от чиновничества, и от более значительных соседей. Буржуазные историки упоминали о всякого рода массовых движениях, но говорили о них мимоходом, как о чем-то случайном и во всяком случае не связанном с общими процессами социального развития. Так трактовалось движение багаудов в Галлии, в том же примерно плане шла речь и о социальных движениях в римской Африке. Поскольку

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 41-е, 1945, стр. 412.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 41-е 1945, стр. 432.

последние связаны были идеологически с донатизмом, о них говорилось больше в трудах по истории церкви, даже по истории христианской литературы, но не в работах по социальной истории. Между тем история социального движения в римской Африке в эпоху поздней империи известна нам лучше, чем история массовых выступлений в других областях. О нем сравнительно подробно рассказывают церковные писатели, произведения которых дают возможность установить основные его этапы, определить состав участников, охарактеризовать методы борьбы.

Нужно заметить, что если в конце XIX и в начале XX вв. вопросам, касающимся движений в Африке, представители буржуазной исторической литературы посвящали специальные исследования, то за последние 30—35 лет в этой литературе к ним проявляется мало интереса. Последней работой, обратившей на себя внимание, была статья Ш. Соманя «Сельские рабочие или разрушители погребов? Циркумцеллионы в Африке»¹.

Автор пришел к выводу, что те, кого церковные писатели называют циркумцеллионами, отнюдь не были участниками социального движения, связанного с донатизмом. Циркумцеллионы для Соманя особый разряд населения, особое сословие, стоящее выше рабов и колонов, имеющее право владеть собственным имуществом, циркумцеллионы — это кочующие свободные сельскохозяйственные рабочие, каких можно встретить в Северной Африке и в наши дни. В статье, опубликованной на страницах ВДИ (1938, № 1), мы уже обратили внимание на порочность методологии Соманя, который не видит различия между социально-экономическими отношениями гибнущего рабовладельческого общества и специфическими чертами быта колониальной страны эпохи империализма. Вместе с тем Сомань не считает нужным говорить о той ожесточенной борьбе, какую вели те, кого он причислил к «сословию бродячих рабочих». Все эти данные он считает полемическим приемом церковных писателей. Итак, африканские отношения более чем за полторы тысячи лет остались неизменными, нет основания говорить о социальных конфликтах, так как это не реальная действительность, а «приемы полемистов». Вот к чему сводится концепция автора, который стоит на модернизаторских позициях и стремится затуманить классовую борьбу.

На статье Соманя не следовало бы второй раз останавливаться, если бы она не получила определенного резонанса в буржуазной исторической литературе. Небольшая по объему, слабая по аргументации, напечатанная не в историческом, а в популярном, экономическом журнале, статья Соманя приобрела все же известность, и в различных общих трудах и справочных пособиях мы встретим на нее ссылки как на авторитетный труд. Пиганьоль в справочном пособии «Histoire de Rome» (2-е изд., 1946, стр. 482) рекомендует статью Соманя по вопросу о сельскохозяйственных рабочих в эпоху поздней империи. В обзорной статье, посвященной работам по истории Римской империи, Ю. Миллер дает лишь позитивное изложение выводов Соманя и пишет: «Циркумцеллионы, которые трактовались современниками как бродяги и разбойники, составляли по данным законодательных памятников сословие, стоявшее над колонами и рабами»². У читателя, не знакомого с работой Соманя, может действительно сложиться представление о том, что «циркумцеллионы» представляют собой *ordo* (сословие), находящиеся в ведении *conductores*, и т. д. «Выводы» Соманя выдают за подлинные научные открытия.

¹ Ch. S a u m a g n e, Ouvriers agricoles ou rodeurs de celliers? Des circoncellions d'Afrique, «Annales d'histoire économique et sociale», № 27, (1934).

² J u l. M i l l e r, Geschichte des römischen Reiches, 1933—1937. JFKA, т. 279 (1942), стр. 295.

Такое «позитивное» изложение выводов Соманя не случайно. Оно как нельзя более соответствует взглядам тех буржуазных историков, которые если и не отрицают классовой борьбы, то стараются всячески ее затушить, умалить ее значение, представить историю как непрерывный эволюционный процесс, венцом которого являются капиталистические отношения. Подобный подход к статейке Соманя как к серьезному труду представляется тем более странным, что сам автор к выводам своим, изложенным в статье 1934 г., относится, видимо, недостаточно серьезно, ибо в заключении другой статьи, опубликованной в 1937 г., автор пишет следующее: «Полный драматизма раскол донатистов и циркумцеллионов представлял собою отпор, которым строптивая раса ответила на порядок, противоположный тому, которым она была сильна и счастлива во II в.»¹

Мы не будем останавливаться на таких выражениях, как «строптивая раса» и «счастливый порядок во II в.», дающие представление о методологической направленности статей Соманя, обратим внимание лишь на то, что раскол донатистов и циркумцеллионов автор считает явлением значительным, выражением протеста местного населения против аграрной политики римского правительства эпохи поздней империи. Следовательно, здесь Сомань уже не считает «циркумцеллионство» (*circumcellionat*) признаком определенного общественного состояния, а борьбу «циркумцеллионов» «полемическим приемом церковных авторов». Не давая правильного взгляда на социальную природу движения, Сомань все же не считал возможным ее отрицать, как он это делал в статье 1934 г.

Разбор «теории» Соманя и отношения к ней со стороны буржуазных историков дают представление о том уровне, на каком стоит исследование истории социальных движений в современной буржуазной науке.

Иным должно быть отношение к этим вопросам в советской историографии. И мы должны сказать, что по истории рабства и восстаний рабов в нашей исторической науке сделано немало. Уделено должное внимание и истории социальных движений в эпоху поздней империи, в частности в истории африканских движений. Был подчеркнут демократический и революционный характер движения², была установлена связь движения с общим характером социально-политических отношений, прежде всего с закрепощением колоннов, с усилением фискального гнета, с общим ослаблением римского рабовладельческого государства, с нашествием варварских племен на римскую территорию. На основании данных источников в советской историографии принято носителей радикального крыла движения называть агонистиками, а не циркумцеллионами, поскольку первое было тем именем, каким называли себя сами участники восстания, второе же было пренебрежительной кличкой, какой наделили их противники. Термин «агонистики» обозначает «борцы». Он вполне соответствует тактике и методам борьбы носителей африканского социального движения.

В каком направлении должно быть итти дальнейшее исследование этого вопроса? Мы считаем, что с большей определенностью должно быть подчеркнуто, что движение агонистиков в Африке было одним из очагов того процесса, который товарищ Сталин охарактеризовал как революцию рабов. В связи с этим большее внимание должно быть уделено тому поло-

¹ Ch. S a u m a g n e, Du rôle d'«origo» et du «census», «Byzantion», 1937, стр. 581.

² С. И. К о в а л е в, История античного общества. Эллинизм, Рим, Л., 1936, стр. 292; он же, История Рима, Л., 1948, стр. 717; В. С. С е р г е е в, Очерки по истории древнего Рима, ч. II, стр. 721 сл.; Н. А. М а ш к и н, Движение агонистиков, ИМ, 1935, № 1, стр. 28 сл.; он же, Агонистики, или циркумцеллионы в Кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1, стр. 92 сл.; он же, История древнего Рима, 1948, стр. 581 сл.; А. В. М и ш у л и н, История древнего Рима, М., 1946, стр. 306 сл.; он же, Спартакосское восстание, М., 1936, стр. 291; Р. Ю. В и п п е р, История средних веков, М., 1947, стр. 48.

жению, что рабы играли ведущую роль в движении. Прямое свидетельство об участии колонов, как нам приходилось уже указывать¹, есть в сущности одно — в одном из писем А в г у с т и н а (Ер., 35, 2)², который пишет, что иподиакон Прим увел двух девиц, принадлежащих к званию колонов и прикрепленных, как и сам иподиакон, к имению католической церкви. Девиц второй раз крестили (по обычаю донатистской церкви), и они находятся в лагере агонистиков среди других женщин, или как говорит Августин: «Ныне они бродят со стадами циркумцеллионов среди стад блуждающих женщин» (*cum gregibus circumcellionum inter vagabundos greges feminarum*). Но в другом письме (Ер., 108, 6, 18) А в г у с т и н говорит, что «дерзкие мужики восстают против своих владельцев» (*contra possessores suos rusticana erigatur audacia*). Выражение *sui possessores* указывает, что «мужики» (*rustici*) были колонами. Борьба с ростовщичеством, с кабалой, засвидетельствованная нашими источниками³, также велась в интересах колонов. И тем не менее мы должны сказать, что колоны выступают не в качестве главных участников движения, а скорее как союзники восставших рабов. Как союзники и активные участники выступают и представители берберийского незакрепощенного населения. К ним обращаются вожди агонистиков. Они составляют вооруженные отряды, сражающиеся с римскими войсками⁴.

Вполне закономерно сравнение восстаний рабов в последний период Римской империи с теми движениями, какие происходили во II—I вв. до н. э. Восстания рабов в Сицилии, восстание Спартака происходили в тот период, когда рабовладельческая формация достигла своего апогея, и восстания рабов были протестом против усиливающейся эксплуатации, но рабы «не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»⁵. Не ставя своей целью уничтожение рабства как института, восставшие в Сицилии рабы стремились создать такое царство, где ведущая роль принадлежала бы бывшим рабам, но последние становились бы рабовладельцами. Спартак хотел вывести италийских рабов на родину. Освобождение должны были получить те, кто примкнул к восстанию.

После восстания Спартака не было значительных самостоятельных выступлений рабов, но совершенно неверным будет утверждение, что рабы примирились со своим положением, не вели активной борьбы с рабовладельцами. В период ожесточенной социальной борьбы в конце Римской республики, борьба, которая с легкой руки Моммсена удостоилась в буржуазной историографии таких эпитетов как «анархия», «беспорядки» и пр., рабы были активными участниками стихийных массовых движений. Борющиеся стороны, независимо от того, какие лозунги ими провозглашались, очень часто обращались к рабам, обещая им свободу, и находили у них поддержку. Но особенно опасными были для рабовладельцев те движения, в которых рабы выступали вместе с плебсом. Так было в движениях Клодия, Целия Руфа, Долабеллы, Амация (Лжемария)⁶. Нет сом-

¹ Н. А. М а ш к и н, Агонистики, или циркумцеллионы, ВДИ, 1938, № 1, стр. 91.

² Письма цитируются по изданию Migne, Patrologiae cursus completus, series latina, т. XXXIII, Paris, 1865.

³ *Optati Mileuitani libri VII, III, 4* (Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum, т. XXVI); August., Ер., 185, 4, 15.

⁴ Н. А. М а ш к и н, Движение агонистиков, ИМ, 1935, № 1, стр. 37 сл.

⁵ В. И. Л е н и н, О государстве, Соч., XXIV, стр. 375.

⁶ Л. З. П о л я к о в а, Социальные движения в Риме в период I триумvirата и гражданской войны 49—46 гг. Автореферат диссертации, М., 1949; Н. А. М а ш к и н, Социальное движение в Риме в первые дни после смерти Цезаря, Вестник МГУ,

нения, что именно движение 52 г. (после убийства Клодия) привело к консолидации рабовладельческих групп в Риме, наделению Помпея чрезвычайными полномочиями, союзу его с крайними оптиматами, а это развязало войну между Помпеем и Цезарем.

Правительство Августа и его преемников принимало решительные меры к борьбе с возможностью восстаний рабов и плебеев. Август, по словам Тацита (Ann., VI, 11), назначил специально префекта города для того, чтобы «обуздать дерзость рабов и тех беспокойных граждан, которые боятся только силы». Но и в этот период сопротивление рабов не прекратилось. Оно перешло в отдельные дома, поместья. Рабы портили скот и инвентарь, расхищали имущество¹. Роль рабов в различных восстаниях эпохи ранней империи недостаточно еще исследована, но несомненно, что в период кризиса III в. наступает известный перелом, начинается эпоха массовых движений рабов, переходящих в революцию рабов в Риме. Рабы приняли участие в восстании Гордианов в 238 г., хотя здесь они поднялись только после обращения к ним рабовладельцев. Но уже в Сицилии было, видимо, самостоятельное выступление рабов, *quasi servile bellum*, как говорится в источнике (SHA, Gall., 4).

Но с 60-х или с 80-х гг. движение охватывает и другие области, с особой остротой оно протекает в Галлии (движение багаудов). В 286 г. оно подверглось разгрому, но окончательно подавлено все же не было. Вероятно, из-за скудости и неполноты наших источников мы не имеем сведений о движении багаудов в IV в. То, что в V в. оно возрастает с новой силой, показывает, что оно, видимо, и не прекращалось.

Отличительной чертой социальных движений IV и V вв. является их массовый характер. Рабы выступают не одни; с ними идут колонны и разорившиеся свободные, причем рабы сохраняют руководящую силу в движении. Это одна из существенных черт движений IV и V вв. Правда, и в восстаниях рабов II и I вв. до н. э. можно отметить участие свободных, но это было явлением скорее спорадическим и не имело существенного значения. В движениях же 50-х и 40-х гг. I в. до н. э. рабы хотя и участвовали, но руководящая и определяющая роль принадлежала тогда городскому плебсу. В отношении Африки можно сказать, что там наряду с революционным движением агонистиков большую роль сыграло тесно связанное с ним движение донатистов, выступавших с религиозными лозунгами, но выражавших в действительности интересы сепаратистски настроенных слоев населения африканских провинций по отношению к Римской империи. Это говорит о массовом характере движения, хотя донатизм не был чем-то единым и определенным, внутри донатистской церкви были разные течения, а между донатистами и агонистиками были противоречия, которые приводили к тому, что донатисты в отдельные моменты отступались от агонистиков и даже выдавали их, что способствовало, несомненно, ослаблению движения.

Необходимо обратить внимание и на продолжительность революционных движений IV и V вв. Если во II—I вв. до н. э. восставшие не могли удержаться более 5—6 лет, то движения эпохи поздней империи продолжались целые столетия. Следует, разумеется, отметить и то обстоятельство, что во II и I вв. до н. э. восставшим противостояло мощное рабовладельческое государство; в последующий период после перехода к империи оно еще более окрепло и было в существе своем военной диктатурой, главной

1947, № 5, стр. 3 сл.; Г. А. Цветаева. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря, ВДИ, 1947, № 1, стр. 226.

¹ М. Е. Сергеев. Два типа сельских хозяйств в Италии в I в. н. э., ИАН СССР, VII серия. ООИ. 1935, № 6, стр. 573—598.

задачей которого было «держать в узде эксплуатируемое большинство»¹. В эпоху же поздней империи государство могло еще издавать грозные указы, собирать с населения подати, но оно было уже ослаблено и повсеместными восстаниями, и наступлением варваров, и сопротивлением непокорной феодализирующейся знати.

Существенным было и то обстоятельство, что рабы действовали вместе с колонатами. Это сознавалось и наиболее дальновидными представителями рабовладельческого класса. Большой интерес представляет в этом отношении суждение Синесия, на которое обратила внимание в своей диссертации Н. И. Голубцова: «Теперь, говорит Синесий, дело идет не о возмущении, которое начато двумя людьми, презревшими всех богов, но о вооруженных ордах людей из того же самого племени, из какого наши рабы; кровожадных ордах, принятых, к нашему несчастью, в империю и имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности между их соотечественниками и нашими. Какая ошибка наша! Кроме солдат, находящихся под их начальством, эти полководцы, несомненно, пожелают видеть присоединенными к их рядам наших самых смелых и самых дерзких рабов, готовых совершить все роды злодеяний, чтобы только насладиться свободой»².

Если в Италии наступающие готы получали помощь от своих порабощенных соплеменников, то в Африке донатисты и агонистики оказывали поддержку наступавшим мавританским племенам, во главе которых в 372 г. стоял Фирм, а в 397 г. — Гильдон³.

Во II—I вв. до н. э. в Италии и Сицилии поднимали восстания рабы, оторванные от родины, в IV и V вв. багауды и агонистики были тесно связаны с коренным населением. Несмотря на рост колонатных отношений, рабы играли в обширных латифундиях большую роль. На основании данных Зосима мы можем сказать, что в Италии значительная часть рабов принадлежала по своему происхождению к готам. Хотя войны были и неудачны для римлян, но частые столкновения между римлянами и варварами давали пленных, которые превращались в рабов, и вполне возможно, что число последних даже возросло по сравнению с предшествующими периодами. По аналогии мы можем сказать, что в имениях крупных африканских землевладельцев рабы были главным образом местного, берберийского происхождения. Источники порабощения могли быть различны. Это мог быть и результат вооруженных столкновений, и продажа берберийскими полунезависимыми властителями своих соплеменников, и прямой захват, и самозаклад, и превращение в рабов местных жителей, восставших против римского владычества. При наступлении берберийские племена встречали безусловную поддержку со стороны своих обращенных в рабство соплеменников.

Но нужно заметить, что цели восставших не были в должной мере определены. Отсюда религиозная окраска движения, особенно характерная для движения агонистиков. Революция рабов действовала разрушительно. Она упразднила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся, установление феодального способа производства было объективной и не обходимостью, но необходимость эта не была осознана носителями революционного движения конца Римской империи.

Подводя эти итоги советским исследованиям истории революционного движения в римской Африке, мы должны сказать, что ряд вопросов остается до сих пор неразрешенным. Не исследован, например, должным

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 604.

² S i n., De regno, 15. См. Н. И. Г о л у б ц о в а, Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим, ВДИ, 1949, № 4, стр. 76, 77.

³ Н. А. М а ш к и н, Агонистики, или циркумцеллионы, ВДИ, 1938, № 1, стр. 44—45.

образом вопрос о взаимоотношениях между агонистиками и вандалами. Революция рабов, несомненно, способствовала тому, что африканские области были оккупированы вандалами, но борьба между католиками и донатистами, отражавшая глубокие внутренние противоречия африканского общества, не прекратилась. Есть основания говорить о преследовании донатистов и агонистиков королем Гензерихом (*Vict. Vitens.*, III, 10). Неясен для нас и окончательный исход движения.

Исследование истории движения агонистиков должно быть больше связано с конкретной социально-экономической историей римской Африки. Пора окончательно порвать с традицией, идущей от историка XVII в. аббата Тиллемона, который изложил подробно историю донатистов и агонистиков в своей «Церковной истории», и с тех пор о движении агонистиков принято писать в связи с событиями, относящимися к истории церкви. В этой связи нужно более отчетливо представить себе историю африканского землевладения. Условия II в., отраженные в надписях, касающихся колонатных отношений (*lex Hadriana*, надпись из *saltus Bugunitanus*), и условия IV—V вв. различны. Основное направление — это закрепощение колонов, которые встречаются не только в императорских и крупных частных имениях, но и во владениях среднего размера. Как показывают новые эпиграфические данные, происходит закрепощение и тех владельцев, которые на основе обычной и законодательных актов свободно распоряжались своими участками. Нужно, однако, заметить, что колонат в Африке имел свои особенности, отраженные и в юридических документах поздней империи.

Более точно должен быть определен и район распространения движения агонистиков. Им в меньшей степени затронута провинция Африка (в узком смысле слова). Оно развертывается, главным образом, в Нумидии и отчасти в Мавретании. Причину этого мы видим, во-первых, в том, что этих областей мало коснулась романизация, они больше были связаны со свободным и полунезависимым берберийским населением; во-вторых, большую роль играли здесь крупные земельные владения. Но эти положения нуждаются еще в особом исследовании.

Таковы те общие вопросы, на каких должна остановиться советская историография. Исследование этих общих вопросов не исключает, а предполагает и исследование частных вопросов: терминологических, вопросов, связанных с толкованием текстов и т. п. От разрешения этих вопросов зависят нередко основные выводы, но вместе с тем исследование частных вопросов вне связи с основными проблемами неизбежно ведет к формалистическим выводам, искажающим прошлую действительность.

Не забудем, что выводы Соманя, реакционность которых нами выше показана, основаны на «вольной интерпретации» того места из Кодекса Феодосия, где единственный раз во всех юридических памятниках поздней империи встречается термин *circumcelliones* в таком контексте, который стоит в кажущемся противоречии с данными церковных авторов — нашего основного источника по данному вопросу. Критикуя Соманя, мы предложили свою интерпретацию памятника, которая долгое время не вызывала сомнения в нашей литературе, а ряд специалистов, в том числе и покойные ныне В. С. Сергеев и А. Б. Ранович выражали с ней согласие.

В советской историографии ряд частных вопросов, относящихся к движению агонистиков, затронул А. Д. Дмитриев, опубликовавший ряд безусловно интересных и важных работ по истории социальных движений в эпоху Римской империи. В статье «К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах» (ВДИ, 1948, № 3) он предложил ряд соображений, находящихся в противоречии с тем, что принято было в советской историографии.

А. Д. Дмитриев в статье высказывает положение, что нельзя отождествлять агонистиков с циркумцеллионами. Первые были странствующими бедняками (стр. 71), членами сектантских общин, возникших в начале IV в. в связи с осуждением ортодоксальной церковью добровольного мученичества (стр. 70). «Переходя с места на место, они бродили по селениям, по полям и дорогам, по горам и лесам, проповедуя свое учение, вовлекая в свои общины новых adeptов» (стр. 71). «Беглый трудящийся люд быстро пополнял их ряды в это тяжелое время» (там же). «Число их должно было особенно возрасти во второй половине III в.» «Общины агонистиков окончательно оформляются как революционные организации угнетенных масс. Мир не только с его языческим культом, но также и со всем его социальным строем стал для агонистиков царством дьявола. И они стали предпринимать агрессивные посягательства на этот социальный строй, намереваясь осуществить царство Христа на земле» (там же). «Агонистики ни организационно, ни тем более идеологически не были связаны с донатизмом» (стр. 67). «Главный враг донатистов Августин на посрамление своих противников постарался тесно связать агонистиков с донатизмом и перенес на них название *circumcelliones*» (там же). В действительности же «пренебрежительным именем *circumcelliones* в африканской церковной литературе IV—V вв. обычно называли толпы бродячих монахов, не желавших подчиняться правилам общежительных монастырей» (стр. 75). А. Д. Дмитриев утверждает, что к таким выводам он пришел на основании тщательного анализа источников. Но этот тщательный анализ от читателя скрыт, и, как мы постараемся ниже показать, суждения А. Д. Дмитриева находятся в противоречии с источниками.

Начну с вопроса о терминах «агонистики» и «циркумцеллионы». Неверно утверждение А. Д. Дмитриева, что Августин перенес на агонистиков название *circumcelliones*. Сочинение Оптата с очевидностью показывает, что в его время оба названия относились к представителям одной и той же группы. Оптата (III, 4) говорит, что, когда императорские посланники Павел и Макарий приближались к городу Багаи, Донат, епископ этого города, послал людей по селениям и по рынкам оповестить циркумцеллионов-агонистиков (*circumcelliones agonisticos nuncipare*). Произведение Оптата появилось впервые около 366 г., тогда изданы были первые шесть книг, а указанное место взято из книги III. Можно ли к тому времени говорить о бродячих монахах? Безусловно, нет. В 339 г. вместе с Афанасием Александрийским в Рим приехали впервые два монаха; монастыри же на Западе появляются лишь в 70-х годах IV в. В Африке монашество насаждает Августин после того, как он был избран епископом Гиппона Регийского. Таким образом, во времена Оптата, который знал оба названия — агонистики и циркумцеллионы, — в Африке не было ни странствующих, ни общежительных монахов. Следовательно, не Августин назвал агонистиков циркумцеллионами, это название было известно в Африке задолго до него.

Августин несколько подробнее говорит о том, о чем вполне определенно сказано и у Оптата. О названии агонистики Августин говорит в «Толковании к псалму 132» (*Migne, PL, т. XXXVII*). Это была проповедь, которую Августин произнес перед народом.

На основании этого источника А. Д. Дмитриев пытается провести различие между агонистиками и циркумцеллионами. Остановимся на содержании проповеди. Основываясь на первом стихе 132-го псалма «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе», Августин, насаждавший монашество в Африке, говорит о преимуществах монашеской жизни (*Enar. in ps. 132,3*): «На основании изречения этого псалма названы и монахи, чтобы никто из вас не попрекал католиков этим именем. Когда вы справедливо будете

с насмешкой говорить еретикам о цирцеллионах, чтобы те, устыдившись, спаслись, они будут издеваться над монахами». Далее говорится о недопустимости сравнения «пьяных с трезвыми, необузданных со сдержанными, безумных со смиренными, бродяг с живущими в обителях». Если, продолжает Августин, спросят, что значит имя монахов, нужно спросить, что значит имя цирцеллионов. «Скажем вам полное их имя. Правильнее циркумцеллионами называть их, а не цирцеллионами... Циркумцеллионами же их называют, так как они бродят вокруг клеток (*nam circumcelliones dicti sunt quia circum cellas vagantur*). Из сказанного ясно видно, что донатисты попрекали католиков монахами, католики же укоряли донатистов «цирцеллионами, или циркумцеллионами». Пренебрежительное отношение донатистов к монахам, этому новшеству, введенному Августином, не дает никаких оснований считать циркумцеллионов монахами. Этимология слова «*circelliones*» Августину неясна, но он говорит, откуда появился термин «*circumcelliones*». Представление о «циркумцеллионах», как о бродячих монахах, возникло на основании простой этимологизации слова, перевода слова *cella* как «келья». Но такое толкование чуждо было Августину. «Кто не знает, — писал он в трактате против Гауденция (*Contra Gaudent.*, I, 28, 32), — род людей, которые... ради пропитания бродят вокруг деревенских клеток, откуда и получили имя циркумцеллионов (*quis... nescit... genus hominum... victus sui causa cellas circumiens rusticanas, unde et circumcellionum nomen accepit*). Можно ли согласиться с этимологией Августина? Она как будто не вызывает возражений лингвистов, хотя возможно, что это «осмысление» какого-то другого слова.

О тождестве агонистиков и циркумцеллионов Августин говорит в том же толковании к 132-му псалму, где он приводит слова своих противников: «Наши не называют циркумцеллионами, вы их называете таким презрительным именем, ибо мы их так не называем. Вам говорят, как их зовут. Вы и слушайте. Их зовут агонистиками». «Еще бы они не войны Христовы, — иронизирует Августин, — а не войны дьявола, когда от их крика *Deo laudes* больше страха, чем от рычания льва». Но «*Deo laudes*» — лозунг донатистов (*A u g., Enar. in ps., 132, 6*).

Источником теории А. Д. Дмитрева послужил словарь Дюканжа (*Glossarium mediae et infimae Latinitatis conditum a Carolo Dufresne domino du Cange, t. II, Paris, 1842*). Там под словом *circumcelliones* (стр. 363) без всякого хронологического порядка приведены цитаты из разных авторов в доказательство того, что циркумцеллионы — бродячие монахи, хотя сделана оговорка о том, что у Августина говорится о циркумцеллионах, связанных с донатистами. Можно согласиться, что слово *circumcelliones* употреблялось не только в Африке, но нет никаких оснований утверждать, что на протяжении столетий оно означало одно и то же. Неправильно было бы, отказавшись от установления смысла того или иного термина на основании определенного круга источников, относящихся к определенному месту и времени, брать документы разных эпох и придумывать какое-то общее значение, не заботясь о том, что оно стоит в противоречии с контекстом надежных и достоверных памятников. Какой, например, могут представлять интерес суждения глоссатора XI в. Паппия, на которого ссылается А. Д. Дмитрев? Сангаленский монах говорит о встрече с циркумцеллионами Карла Великого. Но этот факт говорит о том, что данный термин в иных социальных и политических условиях приобрел иное значение. Разве мало знаем мы случаев, когда семантика каких-нибудь слов изменялась и приобретала иногда совершенно иное значение? Не будем же мы из-за нашего современного значения слова «провокация» пересматривать значение термина римского публичного права *provocatio*!

Независимо от Дюканжа и его последователей мы должны сказать,

что наши источники вполне определенно свидетельствуют о том, что агонистики, которым противники их дали обидное название циркумцеллионов, были носителями революционного движения в римской Африке. имевшего религиозную окраску и связанного идеологически с донатизмом. А. Д. Дмитриев говорит, что во втором письме к Макробию (Ер., 108) «Августин проводит ясное различие между действиями монахов циркумцеллионов и «сельчан» (Д м и т р е в, ук. соч., стр. 78). В действительности такого разграничения нет. Это — риторическое место, доказывающее, что между католиками и донатистами не может быть единства. Мысль свою «fugitur unitas» Августин сначала иллюстрировал тем, что из-за религиозных распрей нет единства в семье, близкие, граждане, hospites соединяются друг с другом на пирах, в браках, в купле и продаже, в приветствиях, в разговорах, сходятся во всех делах, но «расходятся перед Божиим алтарем», и далее Августин пишет: «Исчезает единство, когда мы против непотребства ваших (я не хочу сказать вашего) обращаемся к общественным законам, а против самих законов вооружаются циркумцеллионы». Далее этот тезис развивается: «Исчезает единство, — продолжает Августин, — когда мужики восстают против своих владельцев и беглые рабы не только отделяются от своих господ, но им угрожают, и не только угрожают, но и жестокими нападениями своих господ опустошают». Приведа это место, А. Д. Дмитриев опустил его продолжение: «Эти преступления совершаются с одобрения и под руководством вождей — ваших единоверцев-агонистиков» (Ер., 108, 6, 18).

Слово «агонистики» Августин явно употребил иронически, а все это место должно было оправдать высказанное ранее им положение, почему католики обращаются к общественным законам. Агонистики мыслятся Августином как единоверцы (confessores) донатистов. Да и какой же иначе был смысл говорить о них в письме к донатистскому епископу, если бы они не были связаны. Далее Августин говорит, что агонистиков не могут остановить донатистские пресвитеры, пользующиеся их безрассудством. О связи агонистиков (циркумцеллионов) с донатистами, которую почему-то отрицает А. Д. Дмитриев, Августин говорит постоянно. Очень часто встречаем мы выражения: «клирики и циркумцеллионы ваши» (Ер., 88, ср. Ер., 23, Ер., 53, Ер., 185 и др.).

Не приняв того разграничения понятий, которое, основываясь на старинном словаре, предложил А. Д. Дмитриев, мы считаем себя вправе сохранить свое толкование термина *circumcelliones* в Кодексе Феодосия. Неправоммерно взять из контекста один термин и угадывать его значение. Мы пошли иным путем и старались найти источники для соответствующего законодательного акта. Таким источником была сентенция, своего рода резолюция, Марцеллина, председателя собора 411 г. Он предлагал «подавить скопища циркумцеллионов и усмирить их буйство». Об этих буйствах Марцеллин говорил на основании того, что говорилось католиками (прения эти сохранились) (ср. August., Brev. coll., III, 11, 22) и что совпадает с данными Оптата и Августина. Но в написанном законе понятию *circumcelliones* придан был иной смысл, они трактуются как определенная социальная категория, и с них, если они не отойдут от донатизма, взыскивается определенный штраф. Какую категорию имел в виду законодатель — установить трудно. Мы думаем, что подразумевались низшие слои свободного аграрного населения, но это, конечно, гипотеза. Важно то, что понятие *circumcelliones* в Кодексе Феодосия не имеет существенного значения для понимания термина *circumcelliones*, ибо мы обладаем более определенными и ясными первоисточниками.

Увлечшись разграничением понятий «агонистики» и «циркумцеллионы», А. Д. Дмитриев обратил мало внимания на социальный состав движения.

Он говорит об угнетенных массах, странствующих бедняках, беглом трудящемся люде (стр. 71), но мы, как было показано выше, можем дать более отчетливую характеристику носителем социального движения. Но самым существенным методологическим недочетом работы А. Д. Дмитрева является то, что он не связывает движение агонистиков с процессом революции рабов.

Большое внимание уделено у А. Д. Дмитрева тому положению, что агонистики появились задолго до III в.

Конечно, социальное движение нарастает до донатистского раскола, но та острота, с какой развивался последний, обусловлена ростом социальных противоречий, и, конечно, проповедь радикальных донатистов помогла оформлению движения агонистиков. Говорить о том, что агонистики существовали уже в III в., нет данных. Нет оснований и возводить их к монтанистам. Группа последних, хотя к ней и принадлежал такой выдающийся писатель, как Тертуллиан, была незначительна и действовала она в Карфагене. Известное влияние монтанизм оказал вообще на идеологию африканской церкви, и отзвуки его сказались в донатизме. Говорить же о преемственности между монтанистами и донатистами нет оснований. К тому же нам ничего неизвестно о выступлениях монтанистов с радикальными социальными лозунгами, что характерно для агонистиков.

Отношение христиан к вторжениям варваров нельзя установить на основании такого недостоверного источника, как *Passio Jacobi etc.* Дата, предлагаемая Руинаром, не может быть принята без критики. Непонятно, почему преследователем был обязательно упоминаемый в надписи *CIL, VIII, 2615* (а не 7824, как указал А. Д. Дмитрев) Гай Макриний Дециан. Надпись свидетельствует только о его борьбе с различными наступавшими на римскую территорию берберийскими племенами. О борьбе с наступающими варварами в условиях кризиса III в. говорит и надпись *CIL, VIII, 9047*. Оба эти источника привлечены А. Д. Дмитриевым для истории агонистиков без оснований. Нельзя отрицать и влияние на донатистов и агонистиков местных африканских культов, как это делает А. Д. Дмитрев. Это отрицание ведет к отказу от установления связи между идеологией ранних христиан и другими современными им религиозными течениями, что в корне неправильно.

Разбор статьи А. Д. Дмитрева указывает, что и частные вопросы истории социальных движений в римской Африке в эпоху поздней империи могут быть разрешены, если мы представим себе общие условия борьбы, обратим внимание на социальную характеристику и будем брать это движение как часть того общего процесса, который товарищ Сталин определил как революцию рабов. Всякие же терминологические изыскания, основанные на устаревших глоссариях, лишены смысла.

Но, несмотря на то, что в нашей историографии есть еще пережитки формализма, мы должны вполне определенно сказать, что по тем вопросам, которым посвящена наша статья, советская историография значительно опередила западную буржуазную историографию и этим обязана она в первую очередь вполне определенным и ясным указаниям товарища Сталина.

